

Большая любовь
требует огромных жертв

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

УКРАДЕННАЯ НЕВЕСТА

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

Роковой соблазн

Владимир Колычев

Украденная невеста

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Украденная невеста / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2021 — (Роковой соблазн)

ISBN 978-5-04-158253-1

Капитан милиции Павел Черкасов – отчаянный опер, гроза криминала. Но бандиты все-таки придумали, как ему насолить. Украли у него в день свадьбы красавицу-невесту и надругались над ней. В отместку озверевший Черкасов расстрелял всю бандитскую «малину». И на долгий срок сел в тюрьму. Выйдя из заключения, Павел столкнулся с новой реальностью: криминал подмял под себя весь городской бизнес, напарник Черкасова, теперь уже большой чин МВД, сошелся с преступным авторитетом, бывшая невеста не узнала своего жениха. Теперь ему остается только одно – жестоко наказать и бандитов, и оборотней в погонах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158253-1

© Колычев В. Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Григорьевич Колычев

Украденная невеста

© Колычев В.Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

Глава 1

Мелкий морозящий дождь, под ногами скользкая жижа из талого снега, глины и собачьих кучек; над головой, протянутый от столба к углу пятиэтажки, болтается на ветру электрический провод. Нервы тоже под напряжением, рука в подвешенном состоянии готова в любой момент нырнуть под куртку, там в кобуре пистолет.

Небо хмурое, настроение серое, предчувствие мрачное, в пальцах правой руки слегка покалывает – аллергия на опасность. Нужно почесать пальцы – о рукоять пистолета, о спусковой крючок, но Павел не спешил браться за оружие, хотя и держал его наготове: кобура уже расстегнута, флажок предохранителя опущен, патрон в стволе. Задача серьезная – разыскать и задержать матерого бандита, но вряд ли Молдаванин прятался в подвале пятиэтажного дома. Раньше он дневал и ночевал в таких качалках, а сейчас в подвалах водится только подрастающая смена, спортивное общество «Бандитские резервы». Контингент сам по себе опасный, но вряд ли дело дойдет до стрельбы.

Март месяц, холодно, промозгло, кожаная куртка греет слабо, но под свитером плотная прокладка с кевларовой начинкой. Павел не стал бы надевать бронежилет, собираясь на это дело, просто он не успел снять защиту. За Молдаванином выезжали в составе усиленной группы, думали взять его в ночном клубе, но просчитались, зря только СОБР поднимали. А вернулись в Управление, Леня Шаров потянул Павла на улицу Толстого. Он верил, что Молдаванин здесь, но бронежилет надеть не удосужился. И группу захвата не запросил. Значит, больше сомневался, чем верил.

Вход в подвал находился с торца здания, дверь под жестяным козырьком открыта, дальше лестница, уводящая вниз, в сумрак потусторонней бандитской жизни.

Павел уже пятый год на оперативной работе в РУБОПе, четвертый год рука об руку с Леней. Сколько уже на его счету таких вот погружений во мрак, и ничего, жив до сих пор и всего лишь один раз ранен. Казалось бы, пора привыкнуть, а все равно дрожь в коленках. Но разгон уже взят. Разгон, который держал в напряжении, не позволяя расслабиться. Набранный темп ни в коем случае нельзя терять, иначе попадешь под пулю. Ушки у Павла на макушке, глаза еще выше, все нужно видеть, все замечать. И очень-очень быстро реагировать на резкие перемены в обстановке.

Дневной свет скудный: лампочка над входом в подвал не горит – не видно, есть ли там люди в глубине лестничной шахты. Но все возможно. Приближаясь к дому, Павел напряженно всматривался в тревожный сумрак, а опасность появилась со стороны трансформаторной будки, которая находилась чуть правее по ходу движения. Человек в кожаной куртке не вышел, а выскочил из-за угла с пистолетом в руках. Ствол наведен точно на Шарова, осталось только нажать на спуск. Стреляя с двух рук, трудно промахнуться.

Трансформаторную будку Павел держал в поле зрения. Хоть и краем глаза держал, но подозрительное движение заметил. Человек еще только показал свой нос, а Павел уже отреагировал на его появление. Рука нырнула под куртку, пальцы вцепились в рукоять пистолета, выдернули его из кобуры, уложили в ладонь.

Вместе с тем он опознал и самого человека – Вася Фауст, бандит из команды Молдаванина, настолько авторитетный, насколько и отмороженный. Такие сначала стреляют, потом думают.

Павел успевал уйти с линии огня и выстрелить на поражение. Но где-то под коркой колко мелькнула мысль: он-то в бронежилете, а Шаров нет. Первая пуля предназначалась ему, Павел на очереди второй, а стреляет Фауст метко.

Павел не привык лезть без очереди, но сейчас он должен был изменить своему правилу, иначе с Ленкой случится непоправимое. И темп хочешь не хочешь, а надо сбавлять, иначе линию огня не перекрыть.

Сбавляя ход, Павел резко взял вправо и закрыл собой друга. Только тогда он полноценно оценил свое положение. Вася метил в грудь, не в голову, это меньшее из зол, хотя тоже хорошего мало. В самый последний момент стрелок мог приподнять руку, но нет, выстрел прозвучал точно в предугаданный момент. Павел как будто даже сумел заметить пулю, мелькнувшую перед глазами, а может, это было одним только его воображением. Нажимая на спусковой крючок, он приготовился к удару в грудь. Приготовился, но едва не лишился чувств от боли, такой силы оказался удар. Как будто кувалдой в грудь врезали. Под грохот выстрела.

На ногах Павел удержался, но руку сильно тряхнуло, табельный пистолет едва не выпал. Но его пуля уже стартовала – не остановить.

Шаров обнял его одной рукой, другой он выдергивал из кобуры пистолет, но стрелять ему не пришлось. Фауст схватился за живот. Оружие он удержал, но стрелять не мог, во всяком случае пока. Острая боль делала его беспомощным, помочь ему никто не спешил, но Леня все же выстрелил на поражение. Правда, промазал. Пуля выбила крошку из бордюра, на который бандит опирался коленом. Но выстрел все же произвел нужный эффект – Фауст вытянул руку, выпустил пистолет и завалился на бок. Он зывал к пощаде, принимая позу лежачего, которого не бьют.

– Не стреляй, – слегка оглушенный выстрелами, сказал Павел.

– Сам знаю!

Павел мог держаться на ногах без посторонней помощи, Леня это понял и, оставив его, поспешил к Фаусту.

Павел справился с болью, разогнулся и поспешил за Шаровым. Остановил он свой разгон, потому и получил пулю, но разве можно об этом жалеть? Как ни крути, он принял на себя удар, предназначенный другу.

Фауст завалился на бок, продолжая держаться за простреленный живот, правая нога у него нервно дергалась – то ли реакция на боль, то ли конвульсияхватила. Озираясь, Шаров подошел к бандиту, пнул брошенный пистолет и спросил:

– Где Молдаванин?

Посматривал по сторонам и Павел. Прозвучавшие выстрелы взорвали спокойствие двора, случайные прохожие спешили по домам, а бандиты, напротив, могли выйти на шум из своего подвала. Но пока никаких подозрительных движений. Павел скользнул взглядом по тропинке, которая, огибая трансформаторную, тянулась к дому на перекрестке двух улиц – магазин там, ларьки. Возможно, Фауст за сигаретами ходил, а на обратном пути заметил опасность, зря он так бурно на нее отреагировал.

– Молдаванин где, спрашиваю? – повторил Шаров.

От нервного напряжения у него вздувались вены – одна на шее, другая на лбу. Шея сильная, лоб массивный. Плотные прямые надбровья, маленькие, глубоко посаженные глаза, нос короткий, крепкий, сколько ни бей по нему, кровь непустишь. И руки у Шарова коротковатые, так же, как и его кривые, колесом, ноги. Но руки у него сильные, и на ногах он держался крепко, а бегал быстро.

– Не ответит он, – качнул головой Павел.

Боль от груди растеклась по животу, он с трудом дышал, перед глазами расплывались круги, но бронежилет не пробит, проникающего ранения нет, угрозы для жизни тоже. Другое

дело – Фауст, его тело, казалось, покидала не только кровь, но и сама жизнь. Он еще не потерял сознание, но уже ничего не соображал.

– «Скорую» вызывать надо... Если не поздно, – немного подумав, добавил Павел.

– Да пусть сдохнет, – сквозь зубы процедил Шаров.

– Я не против.

Бандиты – они, может, и люди, но без них город станет чище. Павел гордился тем, что работал над этим. И если вдруг Фауст загнется, оплакивать его и свой перед ним грех не станет.

– Хорошо ты ему влепил, – усмехнулся Шаров.

Фауст захрипел, разогнулся в пояс, отнимая окровавленную руку от живота, дернулся, как разжавшаяся пружина, и, выпрямив ноги, затих. Шаров склонился над ним, приложил два пальца к шее и цинично хмыкнул:

– Я бы сказал, очень хорошо.

– И где же Молдаванин? – спросил Павел, выразительно глядя на друга.

Нападение они отбили, но дело не сделано, нужно двигаться дальше. В подвале их могла ждать засада. Шаров это понимал, но поднялся и пошел. Набрал разгон и Павел.

Но в подвале они обнаружили только двух пареньков из молодой поросли, глаза у них уже волчьи, но души еще заячьи. Оперов они встретили тихой, слегка шипящей ненавистью, но это не смертельно и даже не болезненно.

Павел и хотел бы провести профилактическую беседу, но ведь не послушают они молодого капитана. Он – бывалый опер, и у начальства на хорошем счету, и бандиты о нем знают, но до начальника отдела ему еще далеко. Подполковник Еникеев – старый волкодав, взгляд у него – кровь в жилах стынет, слово скажет – мурашки по коже. Бандиты трепетали перед ним, боялись и уважали. Павел тоже хотел быть таким, более того, сегодня еще на один шаг приблизился к своему идеалу. И пулю бандитскую на себя принял, и лучшего друга спас...

* * *

Печка старая, тяга слабая – дыму много, а тепла мало. И с провизией туго – черствый хлеб, пересоленное сало, дрянная тушенка, чай без сахара. Но лучше так, чем хлебать баланду в казенном доме. И мерзнуть в холодном кондее. Молдаванин хорошо знал себя, он ведь с ментами на тюрьме не уживется, в лучшем случае нахамит или даже морду набьет, а это прямая дорога в карцер на хлеб и воду. Уж лучше в старом доме с плохим отоплением коптиться, чем на «хате» париться.

Молдаванин лежал на кровати, забросив руки за голову, в голове каша из воспоминаний и планов на будущее. Восемь лет он уже в движении, как заварился в самом начале девяностых, так до сих пор в теме. Начинал с мелочи: собрал в стаю своих друзей, бросил вызов Маклаю, сначала снес его, затем Увара, в девяносто пятом взял под себя весь Горовец. В том же году присел на пару лет. Подполковник Еникеев показал свою власть, взял его со стволом на кармане и довел дело до суда. На хозяйстве остался Унтер, и, надо сказать, не подвел, удержал власть. Фауст ему в этом очень здорово помог.

Но и Еникеев не сидел сложа руки. Унтер при нем вел себя ровно, старался не отсвечивать. Может, и неправильно это, зато Молдаванин держал город крепко. Из тюрьмы делами рулил, потом на волю вышел. Еникеев предложил ему сделку: или он ведет себя тихо, или снова за колючку. Молдаванин послал его к черту и пошел дальше с высоко поднятой головой. Класть он хотел на мусоров, на их глупые хотелки.

Еникеев попытался его прижать, но Молдаванин окружил себя непроходимой охраной и крутыми адвокатами – ни одна собака не подступится. Но Еникеев не сдавался и раскрыл-таки давнее убийство с его участием. И свидетель у него нашелся, и постановление на арест появилось. А еще спецназ из Москвы подтянулся. Короче, попал Молдаванин в пере-

плет. Но работа идет, к свидетелю уже подобрались вплотную, еще немного, и с ним решат основательно, раз и навсегда. И на Еникеева управа найдется. А Молдаванин дальше будет свои владения окучивать, в планах у него большой легальный бизнес, идея – основать свою собственную сеть продовольственных магазинов и этим прессом выжать из города всех торгашей. Барыги наглеть стали, платить не хотят, чуть что, в РУБОП жаловаться бегут, а Еникеев и рад стараться...

К дому подъехала машина. Двигатель работал тихо, только колеса по гравию шуршат. Менты об этом схроне знать не могли, но Молдаванин все-таки сорвался с места. В доме никого, никто не видит его смятение, поэтому он вполне мог дать волю своим эмоциям.

Тревога оказалась ложной, из новенькой иномарки выходил Веня Стив – холеный, модный, с иголки одетый. И должность у него такая же модная – финансовый директор. У Молдаванина язык не поворачивался называть его своей правой или левой рукой, не дорос он еще до такой высоты, но без него никак. Не зря же знает засекреченный адрес. И ментов на хвосте у него нет, Молдаванин уверен в этом. Стив, он ведь не из пустоты вынырнул, в деле с самого начала, совсем еще молодым был, школу оканчивал. И в институте успел отучиться, диплом экономиста получил, сейчас он – важное звено в системе, через него проходят все финансовые нервы, и общая касса на нем. Может, и не внушительной он внешности, на ринге, откровенно говоря, слабоват, но дело свое знает. И за восемь лет ни разу не подвел. И не предал. Может, он и пижон, или пижор, как называл его неотесанный Фауст, но Молдаванин ему доверял как самому себе.

Стив открыл багажник, вынул оттуда большую спортивную сумку. И по сторонам зыркнул, как будто в сумке лежали стволы, а по дачному поселку кружили ментовские «луноходы» с мигалками – в поисках крамолы. Но не было здесь ментов, а дачников – раз-два и обчелся. Март месяц – не сезон.

– Все путем? – спросил Молдаванин, открывая дверь.

Он стоял как вкопанный, как будто и не собирался пропускать гостя в дом.

– Фауста убили, – коротко ответил Стив.

– Как это? – Молдаванин не смог сохранить спокойствие.

И с места сдвинулся, освобождая проход.

– Менты положили.

– Кто?

Другой бы на месте Стива замялся, пожал плечами. Действительно, какая разница, кто именно убил, главное, что это сделали менты. Даже не важно, при каких обстоятельствах. Но Стив старательно поддерживал репутацию всезнайки, поэтому сопли жевать не стал.

– Капитан Черкасов.

Стив прошел в комнату, поставил сумку на пол, вынул оттуда один пакет с продуктами, другой... Мог бы их и в руках принести, но нет, у него все в стиль и цвет, а пестрые пакеты не подходят к его темной одежде. Пестрые пакеты для него – признак расхлябанности. А черная спортивная сумка и с костюмом гармонировала, и на фоне машины хорошо смотрелась.

Тараканы в голове у Стива, но крысы в душе вроде бы не водятся. Иномарка – да, новая, шестьсот деноминированных «штук», но Стив эти деньги заработал честно. Во всем себя урезал, по кабакам не гулял, с проститутками не шиковал, жил с родителями, чтобы на квартиру не тратиться. В одном себе отказать не мог – в презентабельном прикиде. И все мечтал о новенькой машине.

Мечта его сбылась после дефолта, когда доллар скакнул в пять раз, а «Тойота» из старой непроданной партии осталась в прежней цене. Владелец салона не дурак, он и хотел бы поставить новый ценник, но пацаны популярно объяснили ему, что так делать нельзя. Стив сам попросил их об этом, Молдаванин не вмешивался. И не возражал.

– Как?

– Тебя на Толстого искали, а там Фауст оказался. Может, он подумал, что ты там в подвале, схватился за волюну. Ну Черкасов его и приземлил.

– Черкасов, Черкасов... – вспоминая, задумался Молдаванин.

– В девяносто шестом Костыля и Сапу принял, Дутого брал, на пулю нарвался, но не сдох, выжил. А сейчас его броник спас...

– Значит, Фауст не промахнулся?

– А у Фауста броника не было.

– Это нечестно.

Фауст – еще тот бузила, но Молдаванин уважал его куда больше, чем того же Стива. Ценил, может, и не так, но уважал. И даже почувствовал боль утраты, как будто брат родной скончался.

– Может быть.

– Что «может быть»? – вскинулся Молдаванин, возмущенно глядя на Стива.

Ему, похоже, и горя нет. Как будто Фауст ему никто, а ведь они столько лет в одной котле плавилась. Ну да, Фауст глумился над Стивом, называл «ботаном» – и его возвышение воспринял как личную обиду, но должны же быть какие-то приличия.

– Согласен, нечестно, – кивнул Стив. – У Фауста был только ствол, а у мента еще и бронжилет.

– И за волюну Фауст зря схватился?

– Я этого не говорил.

– Но подумал...

– Не думал я. – Стив отвел взгляд в сторону.

– Да нет, подумал. Потому что чересчур продуманный. Сам бы ты на рожон не полез. За меня бы на амбразуру не бросился!

Стив дернулся, как будто его дернули за хвост, и посмотрел подельнику прямо в глаза.

– Чего уставился? – нахмурился Молдаванин.

– Я тебя никогда не предаю, – тихо, но уверенно проговорил Стив.

– Нет?

– Нет!

Молдаванин не смог удержаться от искушения взять парня «на слабо».

– Тогда отомсти за Фауста!

Стив задумался. Он вел себя спокойно, без паники.

– Хорошо, – кивнул он.

– Сам замочишь Черкасова?

– Черкасова?! – нахмурился Стив.

– А кого еще?

– Я думал, корень зла в Еникееве.

– Ты хочешь замочить Еникеева?!

Молдаванин с ухмылкой смотрел на своего финансового директора. Кишка у него тонка, чтобы взяться за такое дело.

– Хочу, – выдержав насмешку, спокойно сказал Стив.

– Ты?

– Я.

– Очко не лопнет?

– У Еникеева сейчас проблемы. В личной жизни.

– В личной жизни? – Молдаванин заинтригованно повел бровью.

– И мы на этом сыграем.

– Мы?

– Все очень серьезно. Мне в одиночку не справиться. Но вопрос за мной.

И вообще, и в особенности сейчас Стив производил впечатление очень серьезного человека. И если он возьмется за Еникеева, то сделает это аккуратно, во всяком случае, Молдаванин хотел в это верить.

– Ты его решишь, – постановил он.

– Я его решу.

– А потом Черкасова.

Молдаванин понимал, что глупо мстить менту, тем более рядовому, но так вдруг захотелось усложнить Стиву задачу, посмотреть, как из него полезет дерьмо. Но Стив даже глазом не моргнул.

– А потом Черкасов.

– Тогда наливай. Помянем Фауста. Ничего плохого сказать не могу.

– Помянем.

Стив достал из пакета бутылку водки, скрутил пробку, наполнил стопки. Но выпил неохотно. Как будто и не было в нем потребности снять напряжение с души, как будто его и не беспокоила сложность поставленной перед ним задачи. Или он не собирался решать ни с Еникеевым, ни с Черкасовым?..

Глава 2

Тихо в кабинете. Старые часы мирно тикают, за дверью кто-то кому-то выговаривает, за окном шумно промчался мотоцикл, а все равно тихо. Может, потому что дико хочется спать. Ночь Павел провел в засаде, затем весь день на ногах. Все Молдаванина искали, а сделать это нужно кровь из носа – Еникеев и сам на коне, и оперов своих загонял. Сейчас он собирал совещание, вот-вот позовут. Отпустят потом по домам или нет, но пока есть возможность, нужно поспать.

Павел уже почти заснул, когда в кабинет порывисто вошел Шаров.

– Все спишь?

– Не старайся, не разбудишь, – закрывая глаза, пробормотал Павел.

– На ходу будешь спать?

– Начальник зовет?

– Труба зовет! Давай, поднимайся, а то уедет!

– Кто уедет? – Павел непонимающе смотрел на Леню.

– Макогон!

– Мы занимаемся наркотой? – поднимаясь, спросил Павел.

Он понятия не имел, кто такой Макогон и зачем к нему нужно ехать.

– Ну иногда бывает.

Леня открыл дверь, увлекая за собой Павла, но стоило ему переступить порог, как показался длинный нос майора Лекарева, а за ним и он сам собственной персоной. Вроде бы русский, а нос как у хрестоматийного грузина в кепке.

– Шаров, давай к Еникееву! – на правах заместителя начальника отдела распорядился Лекарев.

– А Черкасов? – спросил Леня, озадаченно нахмутив брови.

– Я сказал что-нибудь про Черкасова?

– Паша, может, ты сам по Макогону сходишь?

Шаров назвал адрес, а главное, цель, с которой он собирался нанести визит директору риелторской фирмы. Некий Макогон мог знать, где сейчас находится Молдаванин. На чем основывалось это предположение, Павел узнать не успел, Лекарев чуть ли не силой утащил Шарова за собой.

Офис агентства недвижимости «Горостат» действительно находился неподалеку, всего десять минут пешком. Занимал он чуть ли не весь первый этаж пятиэтажного дома. Свежий ремонт в евростиле, современная офисная мебель – чувствовалось, что компания переживает не худшие времена.

Кабинет директора находился в конце коридора. Приемная пустовала, компьютер секретарши выключен, во всяком случае, Павел не услышал характерного шума, с которым работал системный блок.

Красивую светло-русую девушку в нежной кофточке из ангорской шерсти он увидел в кабинете директора. Она стояла, прижимаясь спиной к стеклянному шкафу, а над ней нависал рослый крупнотелый тип с толстыми, как у бульдога, щеками. Он что-то ей говорил, едва не касаясь губами ее головы, а она воротила от него нос. И, прижимая руки к его груди, тщетно пыталась оттолкнуть от себя.

– Да не хочу я работать! – Она тужилась, напрягая все силы, поэтому говорила сквозь зубы.

– Что такое? – увидев Павла, грозно спросил Макогон, если это был он.

При этом он продолжал прижимать девушку к шкафу, не позволяя ей вырваться.

– Капитан милиции Черкасов! Звонок был, у вас похищение человека! – скороговоркой выдал Павел.

– Какое похищение? – Макогон оттолкнулся от девушки.

А вот Павел не смог оторваться от нее. Взглядом. От ее красоты захватило дух. Если очарование может быть сильным, как атомный взрыв, то сейчас он оказался в самом его эпицентре. Роскошные волосы, невероятные глаза, завораживающее совершенство в каждой черте лица.

– Или просто незаконное лишение свободы?

– Лишение свободы, – кивнула девушка.

Она смотрела на Павла заворуженно, воспринимала его как чудо – во спасение. А может быть, он даже нравился ей как мужчина. Хотелось бы на это надеяться.

– Гражданин Макогон? – спросил Павел, вынимая из кармана наручники.

– Что «гражданин Макогон»?.. – попятился от него директор.

– Я пойду, – сказала девушка.

Ее голос прозвучал так нежно, что на какой-то миг у Павла онемели кончики пальцев. И когда она повернулась к нему, он просто не посмел преградить ей путь. И вышел из кабинета вслед за ней.

Девушка открыла платяной шкаф, сняла с вешалки пальто с пожелтевшим от времени меховым воротником, только тогда Павел понял, что нужно делать. Но за пальто он схватился с таким рвением, что девушка испуганно отскочила назад.

– Извините... – растерянно пробормотал он. – Я поухаживать.

– А вы из милиции?

– «Ты» из милиции... То есть я из милиции... Можно на «ты», – кивнул он.

Девушка улыбнулась, признав его не особо буйным и вовсе не опасным.

– Капитан милиции Черкасов.

– Я слышала.

– Павел.

– Зоя, – снова улыбнулась девушка.

На этот раз она оценила его незатейливую хитрость. И позволила ему поухаживать за собой. Повернулась спиной, и он подал ей пальто.

– А вы здесь работаете?

– Нет, всего лишь устраивалась. – Она кивнула на пустующее место за столом секретаря.

– А этот хам распускал руки?

Павел и забыл уже, зачем он здесь. Его душило неизъяснимое чувство нежности. Объяснить природу этого явления он, конечно, мог, но никогда и близко не испытывал ничего подобного.

– Хам, – согласилась Зоя.

– За хамство нужно наказывать!

Павел похлопал себя по карманам – в поисках наручников. Очарованный Зоей, он и не помнил, как выходил из кабинета и что при этом делал. Но Макогона точно не заламывал и наручники на него не надевал.

– Не надо!

Зоя смотрела на него озадаченно, с одной стороны, она соглашалась с ним, с другой, ее пугала причастность к этой истории. Вдруг Макогон обвинит ее в своих бедах, а у него возможности, связи – в приложение к скотскому нраву.

– А если повторится?

– Не повторится, – вздохнула Зоя.

Павел с сочувствием глянул на девушку. На одних мужчин ее красота действовала как вдохновение на поэта, а на других – как красная тряпка на быка. И у одних крышу срывало, и у других, но по-разному. И сколько еще таких будет – тронутых ее красотой мужиков. Но

сочувствовал Павел не только ей, но и себе. Хорошо, если Зоя возьмет его к себе в рыцари, тогда он сделает все, чтобы ни один волосок не упал с ее головы. А если не возьмет, если прогонит?

– Я больше сюда ни ногой, – качнула она головой.

– Сволочья везде хватает, – сказал Павел.

– Я пойду, – одними губами улыбнулась Зоя.

А взгляд остался грустным и даже потерянным.

– Я вас провожу, – вызвался он.

Зоя задумалась. Ничего страшного не произошло, Макогон за ней не гнался, бояться нечего. А одной ей спокойней и уютней, чем с непонятным ухажером.

Павел увлекся Зоей не на шутку, он совершенно забыл, зачем он здесь, но Макогон сам напомнил об этом. Он вышел из кабинета шумно, напористо. И резко остановился, врезавшись взглядом в Павла.

– Вы здесь?

– Гражданин Макогон? – жестко спросил Павел.

– Допустим, – растерянно кивнул мужчина.

– Плохо вы себя ведете, гражданин Макогон.

– Ничего не было, – опустив голову, тихо сказала Зоя.

– Вот, ничего не было!

– Ничего не было?

Макогон мог произвести впечатление своей внешней фактурой: рослый, крупный, Павел был ниже как минимум на полголовы и по ширине уступал. Но при этом он с легкостью сдвинул с места эту тушу, ударив руками по плечам. Макогон врезался спиной в стену между дверным косяком и шкафом. А Павел с силой надавил ему на плечи, с вызовом глядя на него. Он требовал не повиновения, напротив – борьбы. Он разрешал ему ответить ударом на удар, но Макогон как будто примерз к стенке. Не чувствовал он в себе сил, чтобы противостоять физическому напору. И моральному натиску закона.

– Ну погорячился... – пробормотал он, потрясенно глядя на Павла. – Сам не понял, что на меня нашло...

– Я пойду? – Зоя теперь спрашивала, а не ставила перед фактом, как в прошлый раз.

– Подождите немного, – мотнул головой Павел, продолжая давить взглядом на Макогона.

Он уже вспомнил, зачем сюда пришел, но, если Зоя вдруг уйдет, он бросит все и побежит за ней. Он точно это знал. Никогда он еще не сходил с ума из-за женщины. И не сходит, но уже близок к тому.

– Не надо уходить, – подал голос Макогон. – Я беру вас на работу. И обещаю, больше никогда, даже намеком.

– Куда ты берешь ее на работу? В свою бандитскую контору?

– Почему бандитская? Нормальная контора.

– А махинации?

– Какие махинации?

– С Молдаванином.

На самом деле Павел не знал ни о каких махинациях, связанных с этим агентством. И о сотрудничестве с бандитами мог только догадываться. Но говорил он уверенно, в твердом обличительном тоне.

– С Молдаванином? Я?.. Да что вы такое говорите?

Макогон дернулся, пытаясь вырваться из захвата, причем во всю свою мощь, но не зря Павел с детства тренировал руки в силовой борьбе и гимнастике – он без особых усилий сдержал этот порыв.

– Где Молдаванин? – резко спросил он.

– Да я откуда знаю?

Макогон снова дернулся, в этот раз Павел не только удержал его, но и хорошенько встряхнул. Мужчина запаниковал, как зажатая в угол крыса.

– Где, спрашиваю?

– Да не знаю я!..

– А Молдаванина знаешь?

– Ну его самого не знаю...

– А кого знаешь?

– Ну Вениамина...

– Кто такой Вениамин?

– Кто такой Вениамин? – дрогнувшим голосом сам у себя спросила Макогон.

Понял, что сболтнул лишнее, стушевался. Даже глазки как стыдливая девочка отвел.

– Веня Стив.

– Веня Стив?! Не знаю такого!

– Стивцов Вениамин Андреевич.

– Да нет, не знаю такого! – мотнул головой Макогон.

Он снова дернулся и на этот раз смог вырваться из захвата, но только потому, что Павел сам отпустил его. И поспешил за Зоей, которая, ничего не говоря, вышла в коридор. И он потянулся за ней, чувствуя себя предателем.

Нужно было трясти бизнесмена, по крупницам вынимая из него правду о его бандитских покровителях, а он бросил все – и службу, и долг перед ней, чтобы только не отстать от юбки. А ведь Макогон мог что-то знать.

Зоя вышла на улицу, Павел за ней. Она заметила его, но вместо того, чтобы остановиться, ускорила шаг.

– Зоя, вы куда-то торопитесь? – нагнав ее, спросил он.

Нужно было сказать что-то другое: о погоде, о весне, которая вдруг так решительно заявила о себе, настроив на яркий романтический лад, но Павел подумал об этом слишком поздно.

– Да, наверное, уже домой, – пожала она плечами.

– А собирались куда?

– Да никуда. Предложений сейчас не так много, – сказала он, бросив взгляд через плечо.

– Вы меня извините, если я что-то не так сделал.

Зоя остановилась, повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза. Она не пыталась его очаровывать, но сила ее обаяния накрыла его с головой. Очередной волной. И снова сознание кувыркнулось, как выброшенная на берег пустая консервная банка.

– А что вы не так сделали? – спросила она тоном следователя, ведущего допрос.

– Ну не знаю, – смутился Павел, чувствуя себя подсудимым в клетке из колючих взглядов.

– Может, вы думаете, что помешали мне? Может, я всего лишь заигрывала с этим? Цену себе набивала, да? – наседала Зоя, внимательно глядя на него.

– Да нет, не думаю.

– Вы правильно все сделали.

– Я помилован? – попытался улыбнуться Павел.

Зоя ничего не сказала. Милостиво глянув на него, она мысленно передала ему свой школьный портфель и пошла с поднятой головой. Не было никакого портфеля, но Павел почувствовал себя юнцом, которому первая красавица в школе разрешила себя проводить. Интересно, скольким счастливым она уже выдала такое разрешение? А скольких из них она приблизила к своему сердцу?..

– А далеко вы живете? – спросил он, глядя на проезжающую мимо машину.

– Улица Грибоедова, дом восемьдесят два, – медленно, будто сомневаясь в чем-то, проговорила Зоя.

Она, конечно же знала, где живет, но нужен ли ей провожатый, вот в чем вопрос. Тем более такой, как Павел. Милиционер, да еще и без машины... С ее красотой она запросто могла претендовать на более успешного спутника жизни – с деньгами, с квартирой.

Павел крепко сжал кулак, осаживая себя. Одета Зоя неважно, значит, нет у нее богатых женихов – ни в прошлом, ни в настоящем. И судя по тому, как она вела себя с Макогоном, любовь по расчету не для нее. И не надо себя накручивать.

– Далековато будет, – сказал он, провожая взглядом очередную машину.

– А вы куда-то спешите?

– Я? Нет! – встрепенулся Павел.

Разговор с Макогоном он зарезал, совещание, похоже, провели без него, можно позвонить в отдел, отчитаться, получить «добро» и отправиться домой, на боковую. Но Павел и думать об этом не хотел, и усталость уже не валила его с ног. Даже попутная машина ему не нужна. Он готов был идти рука об руку с Зоей пешком хоть к ней домой, хоть на край света. Небо над городом хмурое, дорога и тротуары мокрые, грязный снег по клумбам одним только своим видом мог вызвать депрессию, но Павел ничего этого не видел. В душе у него цвели сады и распускались розы.

– А бандитов ловить? – улыбнулась Зоя.

– Почему бандитов?

– Ну вы же сказали, что контора у него, у этого... бандитская. И махинации... И еще я знаю, кто такой Молдаванин. Слышала о нем...

– От кого?

Зоя остановилась, повернулась к Павлу и с игривой иронией посмотрела ему в глаза:

– От него самого.

– Ты его знаешь? – встрепенулся Павел.

– Ну вот, уже и на «ты», – усмехнулась она. – И уши прижал.

– Уши?

– Как собака перед броском...

– Ну да, собака, – кивнул он.

Работа у них собачья, с этим трудно не согласиться. Не зря их называют легавыми. Это его не обижает. Лучше быть охотничьей собакой, чем каким-нибудь падальщиком и просто животным. Или тупым бараном из толпы.

– Стойку на меня сделал, как будто я Манька какая-то. Облигация.

– Не Манька, – качнул головой Павел.

Не могла Зоя быть бандитской подстилкой с воровской малины, слишком уж она милая и нежная для этого. Пошутила она, а он повелся – точно, стойку сделал.

– И Молдаванина я в глаза никогда не видела. Просто слышала.

– Даже не буду спрашивать от кого, – кивнул Павел.

Он признавал свою вину, и Зоя должна это понять.

– И не надо, это не мой вопрос.

– Хотел бы я сказать, что это и не мой вопрос. Но увы. Мне нужен Молдаванин, мы за ним охотимся.

– Это опасно?

– Ну в какой-то степени. – Павел невольно приложил руку к груди.

Синяк еще не прошел, но кости целые, и легкое не отбито. Жить можно.

– Что такое?

– Не знаю. Сердце что-то сказать хочет.

– Сердце?

– Тебе. На ушко.

Неожиданно для себя Павел поймал кураж и, не дожидаясь разрешения, подался к Зое и наклонился к ее уху. И захмелел от запаха ее волос, слегка подпорченного ароматом духов.

– Оно тебя любит, – шепнул он и отстранился, чтобы удержать себя от искушения обнять девушку и прижать к себе.

Чем он тогда будет лучше, чем тот же Макогон?

– Кто любит? – залилась румянцем Зоя.

– Мое сердце. А оно приказов не признает. Его можно только убить.

– Зачем убивать?

– Если ты прикажешь, я его убью, – улыбнулся Павел.

– Зачем приказывать? – Зоя заворуженно смотрела на него.

– Вот и я думаю, зачем. Пусть любит?

– А это не опасно? – нахмурилась вдруг она.

– Для сердца?

– Для меня. У тебя такая работа...

– Мы будем встречаться в нерабочее время.

– А мы будем встречаться? – лукаво улыбнулась Зоя.

– Мы будем все! – Павел смотрел на нее с уверенностью мужчины, умеющего брать быка за рога.

– Все?! – Она качнула головой, сомневаясь.

– До глубокой старости. Пока смерть не разлучит нас.

Зоя хотела что-то сказать в ироничном ключе, но от волнения не смогла вымолвить ни слова. Поворачиваясь к нему боком, она губами прикусила наползающую улыбку. Павел подал ей руку, согнутую в локте, и она приняла приглашение, глянув на него со смирением женщины, обреченной на одного-единственного мужчину.

Глава 3

Десять минут до остановки, еще столько же на троллейбусе, а там до Управления рукой подать. И за работу – после короткого отдыха в теплой домашней обстановке. Павлу нравился этот путь длиной в двадцать минут: он уже не дома, но и в круговорот работы еще не включился, не надо напрягать мозги и бежать куда-то, высунув язык. Голова, конечно, на месте, и глаза раскрыты: мало ли кому взбредет в голову начать его рабочий день раньше обычного. Или щипач подрежет лопатник у зеваки, или какой-нибудь баклан устроит бузу. Да и сам Павел мог поймать перо в бок: работа у него опасная, врагов хватает. И все же он больше отдыхал, чем напрягался. На людей можно посмотреть, себя показать, одним словом, почувствовать себя обычным человеком.

А на службе он превращался в настоящего охотничьего пса. И снова рысью по следу. Он, конечно, не против, но сегодня вечером у него встреча с Зоей. И будет очень обидно, если работа выйдет на круглосуточную орбиту. Он уже предупредил Зою о такой возможности, в ответ она лишь тихонько вздохнула. Зачем ей вечно занятой опер, когда вокруг столько нормальных парней? Может, сбежать от него, пока не поздно?..

И еще Зоя сегодня отправится на собеседование в коммерческую фирму, возможно, ей предложат работу на тех же условиях, которые выставял Макогон. На тех же условиях и с той же настойчивостью, и некому будет защитить Зою. Как бы он хотел быть в этот момент рядом с ней, но ведь не будет такой возможности. Вот и как ему теперь работать, когда голова забита такими мыслями?

А работа поджидала Павла у автобусной остановки: толпа вынесла его из троллейбуса и выбросила на Шарова. Леня стоял перед ним в потрепанной кожанке нараспашку, с сигаретой в крепких пальцах. И с осуждением смотрел подбитым глазом.

– Ты где вчера был? – не здороваясь, спросил он.

– С тобой я вчера весь день был, – усмехнулся Павел, выразительно глядя на синяк.

Пока они работали в паре, ничего с Шаровым не происходило, стоило его оставить без присмотра, так под глазом вдруг что-то вспухло.

– Девушку провожать пошел? – все так же с осуждением спросил Шаров.

Он отшвырнул окурок, повернулся к Павлу спиной и пошел, увлекая его за собой.

– Кто сказал?

– Макогон. Почему ты его не допросил?

– Ну ты же допросил.

– Да я-то допросил...

– И что? – сдерживая усмешку, спросил Павел.

Макогон – мужик здоровый, он его вчера разозлил, а Леня попал под горячую руку, чем не вариант?

– Да ничего... – Шаров потрогал щеку, над которой темнел синяк.

– Неужели он?

– Кто «он»?.. – Леня остановился и резко развернулся к Павлу. – Это курдюк?.. Братва подъехала!

– Кто?

– Я даже понять ничего не успел... – скривился от душевной боли Шаров.

– Ты их закрыл?

– Как? Их трое, а я один!.. Да дело не в этом...

– А в чем? – Павел удивленно смотрел на друга.

Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Надо брать машину, людей, ехать за ублюдками, которые посмели поднять руку на капитана милиции. И хорошенько над ними посмеяться. А по-другому нельзя.

– Почему ты меня не дождался?

– А почему ты мне не позвонил? – спросил Павел.

Этот вопрос, как ни странно, застал Шарова врасплох.

– Так мобила не работала... – Он как-то неуверенно хлопнул рукой по карману куртки, в которой у него лежала такая же, как и у Павла, «Моторола».

– И сейчас не работает?

– Да нет, заработала... Не знаю, что там было – симка отошла или батарея...

– Ты это, успокойся, нормально все! – Павел взял Леню за плечи, как будто собирался хорошенько его встряхнуть. – Сейчас ты скажешь мне, кто на тебя наехал, и я обещаю, что они ответят за это.

– А ты думаешь, я сложа руки стоял? Шильдик у меня кровью умылся. – Леня потрогал пальцами сбитые костяшки пальцев.

– Шильдик?

– Шильдик там был, Брют и еще не знаю кто. Ты ушел, а Макогон им позвонил. Они подъехали, а там я. Они подумали, что это наезд, ну и...

– Что «и»?.. Они тебя за бандита приняли?

– Это Макогон тебя за бандита принял! Ты ему ксиву предъявил?.. Нет, ты нагнал туману и свалил. И мне не позвонил...

– У тебя же телефон не работал.

– Тогда, может, и работал...

– А ты какого хрена к Макогону сунулся?

– Так это, Молдаванина надо найти. А эта сука знает, где он!

– Где?

– Ну я так думаю, что знает, – скривился Леня.

– Он мне про Стива говорил.

– Про кого? – встрепенулся Шаров.

– Ты не знаешь, кто такой Стив?

Веня Стив – лошадка темная. Но важная. Если Молдаванин – паук, то Стив – его финансовая паутина. Молдаванин занимался недвижимостью, отбирал у должников квартиры, бизнес. Макогон в этих делах замечен не был, но все когда-нибудь случается впервые. Возможно, Стив только недавно втянул его в свои черные риелторские схемы. И «крышу» ему предложил – от имени Молдаванина. Или даже лично от себя. Разбираться с этим нужно.

– Да нет, кто такой Стив, я знаю, – мотнул головой Леня. – Макогон мне про него не говорил.

– Мне проговорился.

– Надо было мне сказать.

– Ну тебе же Макогон сказал, куда я делся. Пропал я, брат, – загадочно улыбнулся Павел. – Реально пропал. Влюбился.

– Это не оправдание, – все так же хмуро посмотрел на него Шаров.

– Любовь – это слабость, и я это признаю... Ну что, едем за Шильдиком?

– Ну, вообще-то, он извинился...

– И ты его простил?

– В какой-то степени... Я на нем потом отыграюсь.

– А на меня сейчас наехал? – едко усмехнулся Павел.

– Да нехорошо как-то вышло.

– Нехорошо.

Павел действительно должен был позвонить Шарову, поделиться с ним информацией, по необходимости дождаться его, а он забыл обо всем, потеряв от любви голову. А ведь он влюбился, реально влюбился. С одной стороны, это хорошо, но с другой – действительно, косяк вышел. И перед Леной неудобно. Хотя он и сам хорош.

– Это я вчера от возбуждения, – сказал Шаров.

– Не понял. – Павел косо глянул на него.

– Да Лекарева в ГУВД переводят, на повышение, а меня... – Леня запнулся и махнул рукой, отгоняя радужные мысли. – В общем, рано еще говорить.

– Что рано? Тебя на место Лекарева ставят? – Павел не знал, радоваться за друга или переживать за себя. Он и сам не прочь был занять должность заместителя начальника отдела.

– Ну пока еще не ставят. Мне сначала Молдаванина надо взять.

– Тебе взять?

– Нам взять... Э-э, а ты что-то имеешь против? – Леня нахмурился, с подозрением глянув на него.

– Да нет.

Павел совсем не прочь был выбиться в люди, стать таким же крутым волкодавом, как Еникеев, возглавить отдел, да так, чтобы его уважали не за звезды на погонах, а за реальные заслуги. Но все это казалось делом отдаленного будущего, он не спешил, служил, а не выслуживался. А Леня хотел большего, он мечтал о генеральских звездах и не скрывал этого. И должность начальника отдела – всего лишь ступенька к этой мечте. И чем раньше он ее займет, тем лучше. Он торопился...

– А то, если вдруг ты сам захочешь его взять, ты скажи, я буду знать.

– Леня, ты с какого дуба рухнул? Еще не поднялся, а уже башкой стукнулся?.. Тебе начальник повышение обещал, ты его получишь... А я подожду... Я потом сразу на место Еникеева, – улыбнулся Павел, чтобы сгладить ситуацию.

– Сразу на место Еникеева? – Шаров озадаченно наморщил лоб.

– Леня, тебя, наверное, вчера больно ударили? – Павел схватил друга за руку и потянул к Управлению. – Пойдем, доктор Лекарев тебе клизму вставит. Она мозги хорошо вправляет.

Всю дорогу к своему кабинету Павел находился под впечатлением от разговора. И только потом вспомнил про Зою. И даже порадовался за себя. Он, конечно, влюблен в эту чудесную девушку, но служба есть служба, и очень хорошо, что голова не совсем забита розовыми соплями...

* * *

Подполковник Еникеев не шевелился: было непонятно, то ли человек за столом сидит, то ли каменная глыба. Скорее, человек-глыба. Ростом чуть выше среднего, в плечах так себе, а когда появлялся, заполнял собой все пространство вокруг. Он мог сейчас переместиться из-за своего рабочего стола в темный угол кабинета, но все равно останется в центре внимания, потому что всей своей внутренней мощью притягивал к себе взгляды подчиненных.

Павел смотрел на него если не с трепетом, то близко к тому. И даже не терзался обидой. Лекарев действительно уходил на повышение, а на его место прочили Шарова. И не абы кто его двигал, а сам Еникеев, значит, по-другому и быть не должно. Значит, Павел еще недостойн повышения. Значит, ему еще нужно работать над собой. Впрочем, он и так это знает. И работает.

Еникеев долго о чем-то думал – угрюмо, напряженно. Подчиненные уже собрались за приставным столом, совещание началось, а он все думал и молчал.

– Бакаев повесился, – наконец изрек он.

И в кабинете стало тихо, как в холодильнике, в котором повесилась мышь. Или родился мент.

– Свидетель по делу Кашимова, – пояснил Шаров.

Он и сам был застигнут врасплох этой новостью. Павел видел его реакцию и мог побиться об заклад.

– Сам повесился? – спросил Дима Колосов, светловолосый битюг с шальными глазами, что плохо гармонировало с его спокойным, в общем-то, характером.

Раньше Колосов отличался буйным нравом, по молодости был первым задирой на районе, в армии едва не загремел в дисбат, из школы милиции чуть не отчислили. Его офицерская служба могла закончиться в самом начале, если бы Еникеев не забрал к себе этого рубаху-парня. С тех пор Диму как подменили – тише воды, ниже травы. Даже с бандитами вежлив по мере возможности.

– Сам человек может повеситься только в двух случаях, – в раздумье проговорил Еникеев. – Если он сам повесился. Или чисто сработано. В нашем случае чисто сработано. Комар носа не подточит. И уголовное дело не заведешь...

Павел кивнул, невесело глядя на главного своего начальника. Бакаев дал показания против Молдаванина, обличил его в убийстве Кашимова. Свидетеля прятали, охраняли, но бандитов провести не удалось. Дотянулись они до него. И Молдаванин теперь может спать спокойно. Ему больше нет нужды скрываться от правосудия, не сегодня завтра он снова объявится в городе.

– И что же теперь делать? – спросил заметно озадаченный Шаров.

Не смог он взять Молдаванина, неужели не видать ему теперь повышения?

– А тем же, чем вы и раньше занимались. – Еникеев косо глянул на него. – И тем, что у вас очень хорошо получается, – ничего не делать.

– А кто Бакаевым занимается? – спросил Павел. – Откуда такая уверенность, что комар носа не подточит? Может, найдется ниточка, может, ухватимся?

– Откуда уверенность?.. – рассеянно спросил Еникеев, перемещаясь с одного течения мысли на другое. – Есть профессионалы в своем деле, мнение которых я принимаю как свое собственное. Вы пока к ним не относитесь.

– А если попробовать? Вдруг ухватимся?

Насколько знал Павел, Еникеев не просто состоял в хороших отношениях с начальником городского управления МВД – они дружили, что называется, семьями. Это полковнику Шубникову Еникеев доверял как самому себе. Шубников и охрану Бакаева организовал, и расследованием по делу о его убийстве занимались его люди. Во всяком случае, должны были.

– Попробовать можно, – выдавил из себя Еникеев.

Он не сомневался в своем друге, но ведь и на старуху бывает проруха. Возможно, люди Шубникова просто упустили какой-то момент, который мог вывести следствие на убийцу Бакаева. Еникеев просто не мог не допускать такую возможность, но соглашался он с Павлом со скрипом.

– Ты этим и займешься, – постановил он.

– Я бы тоже хотел принять в этом участие, – вызвался Шаров.

Еникеев думал недолго.

– Ну куда вы друг без друга?.. Шаров – старший, завтра утром жду подробный доклад.

Еникеев выделил в их распоряжение целые сутки и служебную «четверку» в придачу. Машина не старая, но выдававшая виды: на кочках она гремела, как ведро с болтами, но лучше что-то, чем совсем ничего.

Обычно Шаров старался занять водительское место, но сегодня он посадил за руль Павла. Ну да, он же начальник, ему положен персональный водитель.

– Это ты, конечно, правильно, выдвинулся, – в раздумье щелкнув зажигалкой, заговорил Шаров – Так не бывает, чтобы преступник не оставил следов... Но выдвинулся.

– Это ты о чем?

– Скажи честно, завидуешь мне?

– Если я назову тебя ослом, ты мне выговор не влепишь?

– Выговор? Тебе? – задумался Леня. – За что?

– А если будет за что?

– Если будет?.. Эй, ты чего? – опомнился Шаров. – Какие выговоры? Мы же друзья!.. Да и не начальник я... Пока только старший...

– Пока.

– Вилами по воде.

– Ты этими вилами мозг себе расковыряешь. И не только себе.

– Ну да, – согласился Шаров. – Не о том думаю...

– Вот и я говорю: вынь вилы из головы. Пока ее тебе не прострелили. Давай соберись, брат. И по сторонам внимательно смотри. Враг не дремлет, сегодня Бакаев, а завтра ты...

– Или ты.

– Или я.

– У братвы на тебя зуб. Из-за Фауста.

– Кто сказал? – нахмурился Павел.

Пока что за Фауста ему досталось только от прокуратуры: объяснение пришлось писать, служебное расследование проводилось. До суда дело не дойдет, но нервы уже потрепали.

– Да говорят...

Павел понимал, что братва не в восторге от его снайперских способностей, но за Фауста ему не предъявляли. Во всяком случае, пока. Даже на похоронах эта тема не поднималась, никто не клялся отомстить ментам на могиле «невинно убиенного». А за похоронами наблюдали, все Молдаванина ждали.

– Кто конкретно говорит?

– Да хотя бы Шильдик.

– Когда он тебе это говорил?

– Ну тогда... Про тебя разговор зашел, он и сказал, что ты тот самый мент, который Фауста приземлил.

– Почему я об этом слышу только сейчас?

– А то ты не знаешь, кто Фауста сделал... Ух ты, какая краля! – ахнул вдруг Леня.

Павел следил за дорогой, по сторонам смотрел периферийным зрением, поэтому первым заметил Зою Шаров – она шла по улице им навстречу. Юбка достаточно длинная, ниже колена, но болоньевая куртка короткая, да и походка у нее легкая, грациозная, хотя и не вызывающая. Зоя не стремилась привлекать к себе внимание, но ее красота, озаренная лучами весеннего солнца, воспламеняла мужчин на расстоянии.

Зоя шла к перекрестку, на зеленый свет, а Павлу нужно было останавливаться на красный. От «зебры» его отделяли две машины, чтобы подъехать к Зое поближе, нужно было выехать на встречную полосу, но Павел не хотел нарушать правила. Да и зачем? Ну подойдет он к Зое, заговорит с ней, возможно, даже не удержится и поцелует. И все это на глазах у Шарова. Еще подумает, что Павел выживается перед ним. Не повезло, скажет, с карьерой, повезло в любви. А он такой, что может сказать. Помешался он на своем повышении, предохранители подгорели – перепады напряжения не держат...

Но из «девятки» у стоп-линии выскочил какой-то джигит в куртке из кусочков кожи, перегородил Зое путь и, раскинув руки, стал ей что-то говорить. Она продолжала идти, а он пятился задом, быстро перебирая ногами, как будто лезгинку танцевал. Из той же машины

вышел куда более мощного телосложения тип с ранней лысиной и борцовскими плечами. Он глумливо улыбался, но при этом неторопливо махал рукой, призывая своего друга вернуться.

Вышел из машины и Павел, но на помощь Зое не спешил. Чернявый не приближался к ней, за руки не хватал и даже сдал в сторону, чтобы Зоя могла пройти дальше. И на друга своего смотрел, собираясь вернуться. Сколько их, таких прилипал, за каждым не набегаешься. Тут нужно по-другому: Зое карету купить, а еще лучше посадить ее в башню сказочного замка, оградив от всех возможных бед и несчастий. Только где же взять карету и замок?

Зоя уже перешла дорогу, когда джигит вдруг оступился и в прямом смысле сел в лужу. Его лысеющий друг обидно засмеялся, это взбесило джигита, он вскочил и бросился к Зое, собираясь схватить ее. Павел взял с места в карьер, но, как ни странно, Шаров его опередил. И непонятно, когда он успел выскочить из машины и набрать разгон.

Джигит в два прыжка настиг Зою, схватил ее за руку и потянул на себя. В этот момент к нему и подскочил Шаров.

Он вцепился отморожку в руку, которой тот держал Зою. Зафиксировал запястье, заставляя разжать пальцы, и ударил по ногам. Джигит рухнул на живот, Леня присел, схватил его за шею и вжал мордой в землю.

– Капитан милиции Шаров! РУБОП!

Лысеющий амбал рванулся было на помощь другу, но, услышав, с кем имеет дело, скрылся в машине.

Зоя нежно улыбнулась, увидев Павла:

– Ты, как всегда, вовремя.

– Как рука? – спросил он.

Зоя провела пальцами по запястью, за которое держал ее дикарь, и пожала плечами:

– Ничего, помою.

– Не больно? – спросил Павел.

Зоя прильнула к нему и в поисках защиты ткнула носом в плечо.

– Нет.

– Я что-то не понял! – Шаров смотрел на них большими глазами.

Как же так, он первым пришел на помощь прекрасной незнакомке, а она уже обнимается с его припозднившимся другом.

– Лень, познакомься, это моя Зоя!

Павел с сожалением смотрел на Шарова. Он, конечно, благодарен другу за проявленное мужество, но ничем помочь не может. Зою он ему точно не отдаст, ни в награду, ни вообще.

Глава 4

Поселок городского типа, улица с однотипными домами из белого силикатного кирпича, талая вода в трещинах асфальта, размазанная по глине трава там, где совсем недавно лежал снег. Небо над головой насыщенно-голубое, а на земле – сплошь черно-белый пейзаж.

Для Бакаева сняли комнату на две семьи, там он и жил, пока с ним не случилось несчастье. На звонок откликнулась женщина тридцати с лишним лет. Она вышла на крыльцо, настороженно, с опаской глядя на непрошенных гостей.

– Капитан милиции Шаров! – представился Леня, издалека показав красную с золотым тиснением корочку.

Женщина кивнула и, приложив к груди ладонь, поспешила к калитке. Тут же на крыльцо вышла худенькая девочка-подросток в очках и с бантиками на коротких волосах. Женщина судорожно замахала руками, отсылая ее обратно в дом. Действительно, а вдруг за удостоверением сотрудника милиции скрываются отпетые бандиты? Но если она так боится, значит, ее кто-то напугал. И уж точно – не говорящая голова из телевизора.

– Нам бы по следам бременских музыкантов пройтись, – с улыбкой сказал Павел, когда женщина, прогнав дочь, подошла к калитке.

– Каких музыкантов? – не поняла она.

Не толстая, но плотная, круглое, с веснушками, лицо, жесткие как проволока волосы с медным отливом. Глаза маленькие, беспокойные.

– Ну к вам же приходили из милиции! – На всякий случай Павел раскрыл свои корочки.

При этом он внимательно смотрел на хозяйку дома.

– А, ну да, из милиции... – закивала она, открывая калитку. – Такое горе!

У ворот, ближе к забору, стояла большая дощатая будка, цепь лежала, но собаки не было. И все же Павел с опаской глянул на лаз в конуре.

– А кто еще приходил?

– Кто приходил? – насторожилась и без того напуганная женщина.

– Может, к жильцу кто заглядывал?

– Да нет, – задумалась она.

– Точно никто?

– Так нельзя же к нему! Никто не знал, что он здесь.

Вход в хозяйскую половину находился с торца дома, а чтобы пройти в гостевую часть, пришлось обогнуть здание. Павел скользнул взглядом по ржавой бочке, куда стекала вода с козырька над низким, одноступенчатым крыльцом. Бочка полная, воды много, утопить человека нетрудно, только силу приложи.

– А охрана? – спросил Шаров. – Жильца охранять должны были.

– Да, я знаю... То есть охраняли, – спохватилась женщина.

– Так знаете или охраняли? – открывая дверь, спросил Павел.

– Охраняли.

– А чего так неуверенно?

– Почему неуверенно?

Павел зашел в коридорчик, в одной стороне которого находился рукомойник с зеркалом, а в другой – вход в комнату.

– Потому что не охраняли.

Павел осмотрел комнату. Кровать не заправлена, стул перевернут, коврик смят, из открытого шкафа выглядывала спортивная сумка, из которой торчал рукав свитера. Стул валялся под люстрой, на одном крюке висел галстук с петлей, растянутый весом человеческого тела. Труп уже увезли, но следы преступления остались. Или все-таки несчастного случая?

– Сказали ничего здесь не трогать, – оправдываясь, сказала хозяйка.
– Да это понятно... А вот где охрана в момент убийства находилась? – спросил Павел.
– А где здесь охране находиться? Коридор маленький, комната тоже не ахти. Я к себе впускать не собиралась, зачем это мне?

- Но охрана-то была?
- Ну первое время приезжали, спрашивали. И потом приезжали, но уже реже...
- Значит, не было охраны. И вас просили об этом не говорить.
- Ну не то чтобы просили, – повела плечами женщина. – Ну да, просили.
- Кто просил?
- Начальник милицкий... Майор... Майор... Там у меня записано!..
- Угрожал?
- Кто угрожал?
- Майор.
- Майор не угрожал.
- А кто угрожал?
- Никто! – поспешно откестилась женщина.
- А что вы можете сказать насчет убийства? – спросил Павел.

Он знал, что все произошло ночью. Бакаев или спал, или лежал без сна, так или иначе в голову стукнула моча, он вскочил, бросился к шкафу, открыл сумку, вытащил оттуда галстук, потянув за ним свитер. Сделал петлю, закрепил галстук под люстрой, встал на стул и... Судя по тому, что Павел видел в комнате, все так и должно было происходить. Если экспертиза не выявила следов постороннего воздействия, значит, сработано чисто. Или на самом деле имел место суицид.

- Так спала я, ничего не слышала, – не задумываясь отрапортовала хозяйка.
- А что вы могли слышать?
- Что я могла слышать?.. Как стул падал, могла слышать, – нашла она.
- Да вы не волнуйтесь, Ольга Викторовна, спокойней говорите, спокойней.
- Да я не волнуюсь.
- Значит, спали вы в момент убийства?
- Спала.
- В момент убийства?
- Почему убийства? – встрепелась женщина.
- Вот и я спрашиваю, почему? Я вам три раза про убийство сказал, вы только на третий раз это заметили... – усмехнулся Павел. – Значит, все-таки убийство?
- Да не было убийства!
- А угрожал кто? Убийца? Или убийцы?
- Никто не угрожал! – с бледным видом мотнула головой хозяйка.
- Дочка у вас молоденькая, всякая сволочь обидеть может.
- А что моя дочь? – Женщина шарахнулась к двери, но там стоял Шаров.
- Да вы не бойтесь, мы-то вашу дочь трогать не собираемся. А вот убийца может. Если вы проговоритесь, – в утвердительном тоне сказал Павел.
- Кто вам такое сказал?
- Ваши глаза. Глаза матери. Которая готова на все, чтобы спасти дочь.
- Но мне никто не угрожал!

От страха и переживаний у женщины подкашивались ноги, чтобы не упасть, она оперлась рукой о дверной косяк.

– Ольга Викторовна, вы видели этих людей? – спросил Шаров, осторожно взяв ее за руку. – Вы можете сказать, как они выглядели? Обещаю вам, мы ничего не станем записывать. И на ваши показания нигде ссылаться не станем.

– Я не могу сказать. Они увезут мою дочь... И вы ничем не сможете мне помочь!

– Не увезут. И мы сможем вам помочь.

– Гене вы помогли? – Женщина скривила губы, кивком показала на расправленную постель.

– Но вы уже все сказали. Мы знаем, что были люди, что было убийство.

– Не было ничего!

– Но мы же знаем, что было. И будем от этого плясать. Вы же не хотите, чтобы ваше имя всплыло в наших отчетах.

– Я вам ничего не говорила!

– Но убийство было?

– Я не знаю... То есть я догадываюсь!.. Я услышала шум за стеной, потом закрылась дверь, я вышла во двор, а там эти... Как они в дом попали, ума не приложу!

– Собаки у вас нет.

– Была! За два дня до того сдохла... Может, они и отравили!.. И с Люсей могут что-нибудь сделать!

Женщина обессиленно оттолкнулась от дверного косяка, закрыла лицо руками.

– Ольга Викторовна!

Шаров подвел ее к кровати, помог сесть.

– Мы ничего не знаем, вы нам ничего не говорили, – сказал Павел.

– Ничего, – кивнул Леня. – Только как они выглядят, и все.

– Да я только одного видела, он в маске был...

– В маске?

– Ты, мать, говорит, не бойся, я в маске, меня не опознаешь, так что будешь жить. Ну если буду держать язык за зубами...

– Так и сказал?

– И за Люсю сказал: «Если вдруг, останешься без дочери». Мы с ней, сказал, такое сделаем...

– Сказал и ушел?

– Как сквозь землю провалился!

– Больше не появлялся?

– Нет!..

– А уехать есть куда? – спросил Павел.

– Кому уехать?

– Вам с дочкой. На всякий случай.

– А школа?

– Уезжайте. И чем скорее, тем лучше.

Павел еще раз осмотрел комнату, затем обошел двор, обнаружил в заборе доску, закрепленную только сверху. Похоже, бандиты не спешили. Нашли Бакаева, тщательно подготовились к нападению – отравили собаку, проделали лаз в заборе, возможно, подобрали ключи к замку. Ночью тихо проникли в дом, скрутили спящего свидетеля и аккуратно сунули его в петлю. И только случайность вывела на них хозяйку дома. Убивать они ее не стали. Но, возможно, все еще впереди.

– Под суицид отработали, – уже в машине сказал Павел.

– Вопрос – кто? – Леня озадаченно смотрел куда-то в пустоту.

– Не важно кто, важно для кого.

– Раньше Молдаванин так тонко не работал.

– Раньше он пер напролом, а сейчас осторожничают. Значит, боится.

– Это хорошо, что боится.

– Плохо, что Пирогова может пострадать. – Павел кивком показал на дом, от которого только что отъехал.

– Это правильно, уехать ей нужно, – кивнул Шаров.

– Сегодня и уедет. Если ничего не случится...

Павел бросил взгляд в зеркало заднего вида. Возможно, бандиты уже в пути. Подъедет к дому машина, выйдут из нее мордороты бульдозерного типа, сгребут в кучу маму вместе с дочкой и выгрузят где-нибудь в карьере.

– А может, и случится.

– Засаду нужно ставить, – нажимая на педаль тормоза, сказал Павел.

Бандиты к дому еще не подъехали, но, возможно, они уже в пути.

– Прямо сейчас?

– Ребята под суицид работали, старались. Даже признания своих заслуг добились, – усмехнулся Павел. – От руководства ГУВД. А из-за какой-то бабы весь труд насмарку.

– Баба и секрет – понятия несовместимые.

– Тем более что Ольга Викторовна уже раскололась.

Павел припарковал машину к воротам дома, который находился метрах в ста от жилища Пироговой. Зрение у него хорошее, реакция быстрая, если что, и бандитов заметит, и остановит их на подходе... Или все-таки подъехать поближе?

– Но мы ничего не знаем, – сыронизировал Шаров.

– И никому ничего не скажем.

– Но Еникееву позвонить надо.

– Он дал нам целые сутки.

– А Зоя?

– Что Зоя? – вскинулся Павел.

Его девушка произвела на Леню сильное впечатление, именно поэтому он не должен касаться ее своим языком. И порочить своими, возможно, грязными мыслями.

– Сколько она тебе дала?

– Чего?

– Сколько времени дала?.. Ты, кажется, сказал, что можешь застрять надолго.

– Надолго – это не навсегда.

– Надолго – это не для нее.

– Не понял.

– Красивая она. Очень... Что ты можешь ей предложить?..

– Леня, если ты сейчас не заткнешься...

– Это ты так с начальством разговариваешь?

Леня возмутился вроде бы в шутку, но перед фактом поставил всерьез.

– Ты еще не начальство.

– Но так и Зоя тебе не жена.

– Оставь Зою в покое.

– А если я за нее переживаю?

– Леня!

– Я серьезно. Люсе вот угрожают. Потому что ее мама много знает. А ты Фауста убил.

– Не каркай!

– Как ты с ней познакомился? – не унимался Шаров.

– Не твое дело!

– Почему не мое? Мы ведь с тобой вместе должны были ехать к Макогону. А ты один поехал.

– И что?

– А если бы я с ней первый познакомился?

– Леня, ты реально меня достал.

– Чем я хуже тебя?

С Ленией иногда такое случалось: заикнется на какой-нибудь ерунде и молотит языком, не соображая. Помашешь рукой перед его глазами, он остановится. Но Зоя – не ерунда, тут жестче нужно.

– А давай выйдем, я тебе покажу, кто лучше, а кто хуже! – предложил Павел.

Только тогда Леня прикусил язык. Он хоть и знал толк в рукопашном бою, но в схватке с Павлом шансов не имел.

– А если серьезно, не нравится мне эта идея, – буркнул он. – Если убийцы были в маске, им бояться нечего. Не пойдут они к Пироговой, не стоит овчинка выделки...

– А это тогда что? – спросил Павел, глядя на серебристую «десятку», которая остановилась неподалеку от них.

Заляпанные грязью номера, затемненные окна – одно только это могло навести на подозрения. И с места, где остановилась машина, хорошо просматривался двор взятого под наблюдение дома.

– Думаешь? – Леня инстинктивно сунул руку под куртку, нащупал пистолет.

– Чую.

– А чего стоят?

– Нас высматривают.

Павел кивнул, соглашаясь со своим же мнением. Хорошо, что он не стал переставлять машину: на более близком расстоянии к дому их бы заметили, а так был шанс остаться в тени.

«Десятка» плавно тронулась с места, подъехала к дому и остановилась. Открылась водительская дверь, из машины вышел смазливой внешности худосочный паренек в кожаном пиджаке. Брюки наглажены, туфли блестят, на лице робкая улыбка. Не похож он на бандита.

– Может, коммивояжер? – наблюдая за парнем, спросил Павел.

– Комик-вояжер, – усмехнулся Леня. – Или гомик?

– Там, где шутки, там и прибаутки. От девяти граммов и выше.

Киллеру совсем не обязательно выглядеть внушительно, как раз наоборот. Этот subtilный тип запросто мог оказаться наемным убийцей. Очарует Пирогову своей невинной улыбкой, сначала войдет к ней в доверие, а затем и в дом. Там и решит вопрос...

А Пирогова не заставила себя долго ждать – вышла к гостю, остановилась у калитки, не решаясь открыть. Павел в это время еще только подъезжал к «десятке».

Паренек что-то спросил, женщина спала с лица, подалась назад.

– Блокируй «десятку»! – останавливая машину, распорядился Павел.

– Вообще-то, я старший, – открывая дверь, огрызнулся Леня.

Но Павел его не слышал. Набирая ход, он проскочил перед капотом «десятки». В салоне никого не было, но, возможно, он просто не заметил сидящих в глубине людей. Сумрачно там из-за тонированных окон – можно проглядеть опасность. Леня должен обследовать машину более тщательно и обеспечить ему надежный тыл. А если нет, то им вместе уже не по пути.

Пирогова смотрела на Павла как на ангела-хранителя, который пикировал на нее. Он мог спасти, но вместе с тем и погубить. Также в замешательстве смотрел на него и subtilный.

Вынимая из кобуры пистолет, Павел внимательно наблюдал за ним. Если вдруг паренек схватится за ствол, достанет его ногой или пристрелит на месте.

Но паренек и не думал сопротивляться, даже вытянул руки ладонями наружу. Взгляд заметался, губы капризно скривились. И ноги подогнулись, как у человека, который собирается встать на колени.

– Милиция! РУБОП! Капитан Черкасов!.. Гражданка Пирогова – это вы?.. – спросил Павел, делая вид, что subtilный интересуется его постольку-поскольку. – Здесь у вас человек повесился?

Женщина оторопело кивнула.

– А это кто?

– Так это, я из церкви евангелистов!

Ольга Викторовна мотнула головой так, чтобы subtilный этого не видел.

– Покойников отпевать пришел? Или живых?

– Да я не знал, что здесь кто-то повесился... Нельзя мне здесь, если повесился!

Парень поправил на себе пиджак и шагнул было к своей машине.

– Куда это вы, пан философ? А о спасении души поговорить?

– Вы же из милиции.

– А что, если милиция, то неисправимые грешники?

– Да нет, вы же по делу приехали.

– Документы на машину покажи! – потребовал Павел.

Шаров стоял рядом и молчал, будто ему было все равно.

– Документы?... Есть документы. – Парень полез в карман, вынул портмоне. И техпаспорт показал, и права предъявил.

– Стивцов Альберт Игоревич, – прочитал Павел.

– Ну да, Стивцов.

– А Стив тебе, случайно, не братом приходится?

– Да нет, – немного подумав, сказал парень.

– Где он сейчас?

– Кто?

– Стив.

– А кто это?

– Не знаешь Стива? – удивленно, с насмешкой спросил Павел.

– Нет.

– Но знаешь, что вы не братья.

– У меня нет братьев, – нашелся Альберт. – И какой-то Стив не может быть мне братом.

– И двоюродным тоже?

– Ну если только двоюродным.

– Поехали, будем разбираться. Если соврал, пеняй на себя.

Павел отдал ключи Шарову, а сам вместе с Альбертом сел на заднее сиденье.

– А машина? – взглянув на свою «десятку», тоскливо спросил парень.

– Ты не о машине, ты о себе думай... Это ведь Стив Бакаева заказал.

– Какого Бакаева?

– Разве я тебя о чем-то спросил? Я сказал то, что знаю. И то, что знаешь ты.

– Я ничего не знаю!

– И я не знаю, был ты третьим или убийц было всего двое.

– Какие убийцы? Я вчера ночью с женщиной был!

– А почему вчера ночью? Почему не сегодня? Ты знаешь, когда убили Бакаева?

– Я не знаю! – Парень растерянно захлопал глазами.

– Леня, ничего не понимаю, – обращаясь к другу, сказал Павел. – Зачем Стив подключил к делу этого уро... братца? Он же тупой как пробка!

– Кто тупой?! – встрепенулся Стивцов. – Я тупой?! Я, между прочим, в МГУ учусь!

– На юридическом?

Стивцов сначала кивнул в знак согласия, а затем спросил – с истерическими нотками в голосе:

– Почему на юридическом?

– Чтобы адвокатом стать. И бандитов защищать. Думаешь, ты один такой умный?

– Не собираюсь я никого защищать!

– Ты уже защищаешь. Себя. Нигде не был, ничего не видел. А знаешь, я тебе поверю!.. Сейчас мы тебя пробьем по базе, выясним, что ты брат Стива. И отпустим.

– А что вам еще остается делать? – фыркнул Альберт.

– Не сразу, но отпустим, – продолжал Павел. – Сначала возьмем Стивцова, а потом отпустим тебя... Ты его сдашь, а мы его возьмем.

– Кого я сдам? О чем вы?

– А чего ты так переживаешь, он же тебе не брат!

– Не сдавал я никого! И не сдам! – заерзал Стивцов.

– Это ты потом объяснять будешь. И не мне.

– Вы это серьезно?

– Вам, наверное, на юрфаке про благородных ментов рассказывают? Мы не такие. И Стив не такой.

– Но я его не сдавал! – захныкал парень.

– Сдашь. У тебя еще все впереди... Леня, ты должен знать, Шепота из пятой камеры еще не перевели?

– Шепота? Паша, ты поступаешь жестоко!

– Почему жестоко? Отдадим цыпленка на воспитание. Уже сегодня вечером петухом будет... А завтра утром отпустим. И братве шепнем!

– Я жаловаться буду! – От волнения Стивцов непроизвольно дернулся и ударил Павла локтем.

– Давай, жалуйся, а мы послушаем. Вдруг пожалеем тебя, убогого. И отпустим. Прямо сейчас.

– Прямо сейчас?

– Даже к машине отвезем, чтобы пешком не ходить... Откуда машина?

– Ну отец дал...

– А Стив не дает?

– Стив?!.. Ну я же сам по себе...

– И к Пироговой сам по себе приезжал?

– Мне дочка ее нравится... – пожал плечами Альберт.

– Умней ничего придумать не мог? Ей одиннадцать лет.

– Ну, на вырост...

– На вырост – это к Шепоту! Он тебя и вырастит, и высушит... Про девочку откуда знаешь? Стив сказал?

– Да нет.

– Ну что, к Шепоту? – спросил Павел.

– Ну хорошо, хорошо, Стив сказал.

– Зачем к Пироговой подъезжал?

– Ну, так это, Стив сказал.

– Леня, разворачивай транспорт, отвезем парня к машине... Что Стив сказал?

– Так это, поговорить.

– О чем? Напомнить, чтобы язык за зубами держала?

– Я не знаю, что там было вчера ночью. Пирогова должна помнить. Я у нее и должен был спросить, помнит она о том, что было вчера ночью, или нет. А что там было...

– А сам ты там был?

– Где?

– На месте преступления?

– Я?!.. Да я даже не знаю ничего... Стив назвал мне адрес, сказал, что надо подъехать, напомнить...

– А сам он знает, что было?

– А что было?

– Было то, что ты, братец, Стива сдал. Что тебе за это будет, ты знаешь, – в раздумье проговорил Павел.

Стив поступил глупо, отправив к Пироговой своего брата. Но все же он не настолько дурак, чтобы посылать к ней сведущего человека. Вряд ли Альберт знал, кто убил Бакаева. А если вдруг? Признания от него не добиться, если только не прибегнуть к незаконным действиям. Но в таком случае Альберт откажется от своих показаний при первом же удобном случае. И грамотный он, и скользкий.

– Но вы же обещали! – встрепнулся парень.

– Ничего мы тебе не обещали. Но и Стиву про тебя ничего не скажем. Он же тебе не родной брат?

– Двоюродный.

– А убьет как родного, от души... Короче, мы тебя не брали, ты никому ничего не говорил. Но с тебя должок. Узнаешь, кто Бакаева убил.

– Как я узнаю?

– А я тебе объясню.

Павел провел подробный инструктаж, полагающийся секретному сотруднику перед негласным вступлением в должность. А потом отпустил в надежде на плодотворное, говоря протокольным языком, сотрудничество.

– Думаешь, Стив за всем этим стоит? – спросил Шаров, когда Стивцов скрылся в своей «десятке».

– Думаю, за этим стоит Молдаванин. А Стив... Он парень осторожный. И Бакаева осторожно сделали.

– Значит, Стив... Будем брать?

– А что мы ему предъявим?

– Вот и я думаю, пусть его братишка поработает. Может, узнает что, а мы уж там доработаем. Тепленьким Стива возьмем...

– Еникееву что скажем?

– Да надо бы сказать... – пожал плечами Шаров. – Нельзя не сказать. Или можно?... А то вдруг утечка...

– Утечки быть не должно, – кивнул Павел.

Еникееву невозможно было не доверять, но в то же время информация о Стиве могла уйти случайно. К тому же полковнику Шубникову в ГУВД. А вот он и его люди под большим вопросом. И Бакаева не уберегли, и уголовное дело заводить не хотят. Вдруг они продались Молдаванину?

Глава 5

Весь день Павел ломал голову, не зная, делиться с Еникеевым своими подозрениями или нет. А ночью отправился к нему домой. Но сказать ничего не смог. Потому что приехал на убийство. На труп своего начальника.

Подполковник Еникеев не просто пример для подражания, он символ. Символ торжества закона, борьбы с бандитизмом. Торжество это должно быть безусловным, борьба успешной, значит, подполковник Еникеев просто не мог погибнуть. А он лежал мертвый на полу с простреленной головой. В форме, при погонах, с табельным пистолетом в руке.

В спальне полулежала едва одетая женщина в халате, ноги на полу, руки на кровати, простыня в крови. По всему выходило, что подполковник Еникеев сначала убил свою жену, а затем застрелился сам. Смешно или нет, но эта версия подтверждалась показаниями свидетелей.

Первыми на место выехали оперативники территориального отдела, они уже в работе, уже известно про скандал, который случился перед убийством. Еникеев застал свою жену с любовником, соседи видели, как он спустил его с лестницы. Сначала вниз полетел мужик, а за ним – его одежда. Еникеев закрыл дверь, а минут через десять прозвучали выстрелы. Соседи вызвали милицию, на место прибыла оперативно-следственная группа, а затем уже подтянулся и Павел. Он только-только проводил Зою домой, когда ему позвонили.

Павел вышел на лестничную площадку, осмотрелся, достал сигарету. Пятый этаж, одна дверь в квартиру Еникеева и две – к соседям. Лампочка не горела, свет на площадку худо-бедно проникал с четвертого этажа.

Была еще и решетчатая дверь, вернее, люк, через который можно было попасть на чердак. Нужно было очень хорошо присмотреться, чтобы разглядеть ее в темноте. К решетке вела железная лестница, приваренная к стене. Павел и хотел бы осмотреть этот ход, но не рискнул поставить ногу на железную ступеньку. Вдруг по этой лестнице поднимался убийца, а он уничтожит следы.

Он вернулся в квартиру, подошел к следователю и попросил обратить особое внимание на лестницу.

– Зачем? – спросил Горошин, остролицый мужчина то ли с бородавкой, то ли с родинкой под носом.

– Мы не исключаем убийство, – от имени отдела ответил Павел.

– Ну мы тоже не исключаем... Но куда делся убийца?

– Я же говорю, через чердак мог уйти.

– Его бы увидели соседи.

– А они что, под квартирой караулили?

– Не думаю... Но любовника видели... Предположительно любовника, – поправился Горошин.

– Лестницу нужно осмотреть... Кстати, там темно. Лампочка давно перегорела? Или неисправную вкрутили?

– Вот вы, товарищ капитан, и узнайте.

Горошин пообещал осмотреть лестницу и деликатно выставил Павла за дверь, чтобы не путался под ногами. Слишком уж тесная квартира у Еникеева.

Павел позвонил в соседнюю дверь. Открыли ему сразу. Хозяин квартиры, казалось, только и ждал, когда его потревожат. Маленький, плешивенький, в растянутой майке-алкоголичке.

Павел поздоровался, представился, выяснил, с кем имеет дело, и спросил, почему на площадке так темно.

– Так спрашивали уже. Лампочка перегорела, – сказал мужчина.

– Давно?

– Позавчера.

Павел кивнул, вспомнив про собаку Пироговой, которая погибла за два дня до убийства. И здесь тоже могли заранее подготовиться.

– А любовника вы видели?

– Я! – расплылся в улыбке Прошников.

Он попытался скрыть свою каверзную радость, но не смог.

– Случайно дверь открыли или что-то услышали?

– Услышал... Мужчина был, на помощь звал. – Прошников провел рукой от квартиры Еникеева до лестницы. – Ну я выглянул. А он тут, в одних трусах и майке стоит.

– И не убегает.

– Так в майке и трусах, куда он в таком виде?

– Так ему помощь в одежде нужна была? – усмехнулся Павел.

Уж не для того ли герой-любовник звал на помощь, чтобы привлечь внимание к сцене со своим участием?

– Да нет, Игорь Валерьевич его убить мог.

– Игорь Валерьевич пистолетом угрожал?

– Нет, просто из квартиры вышвырнул...

– Вы видели?

– Как вышвыривал – нет, а как одежду выбросил – да.

– Игорь Валерьевич выбрасывал одежду? Вы его видели?

– Ну да, видел... Этот ушел, – Прошников кивком показал на лестницу с пятого на первый этаж, – а Игорь Валерьевич дверь закрыл... Да, сказал, что убьет, если еще раз увидит...

– Так и сказал?

– И мне сказал, чтобы я лишнего не болтал... А я – могила! Если бы меня не спрашивали, я бы и не говорил!

– Значит, Игорь Валерьевич дверь закрыл, а вы?

– Что я? Я тоже дверь закрыл...

– И когда открыл?

– Ну после того, как выстрелы услышал.

– Сразу открыли?

– Ну да, сразу. Выглянул, смотрю, вроде бы тихо. Подошел к двери – закрыто. Я позвонил, не отзываются.

– В милицию вы звонили?

– Ну да.

– Позвонили в дверь, вам не открыли, вы вернулись в квартиру и позвонили в милицию.

– Ну да, позвонил.

– А дверь за собой закрыли?

– В каком смысле – «закрыли»?

– Дверь свою закрыли или открытой оставили? Если бы из сорок третьей квартиры кто-нибудь вышел, вы бы услышали?

– А кто оттуда мог выйти? – задумался Прошников.

– Вы позвонили в милицию, а потом? Из квартиры выходили?

– Не выходил, просто выглянул.

– Сколько времени прошло с тех пор, как вы скрылись в своей квартире, а потом снова вышли?

– Ну не знаю... Я же в милицию звонил, говорил... Минут пять, не меньше.

– А кроме вас кто-нибудь на площадку выходил?

– Не знаю, не слышал... Ну да, с четвертого этажа подходила, но это уже потом, когда милиция подъехала...

– Значит, пять минут, – в раздумье проговорил Павел.

Он уже знал, как убили Бакаева. Творчески к делу подошли, ничего не скажешь. Но в случае с Еникеевым выдумки приложили еще больше. В ход пошли семейные сложности, которые он испытывал. Все знали, что Еникеев переживал сложные времена, домой он уходил поздно не только потому, что было много работы. Зачастую уходил «под мухой», а иногда оставался в отделе и на ночь.

Подростостей Павел не знал, но с женой у Игоря Валерьевича точно не ладилось. Может, потому он все чаще срывался на грубость, мог даже нахамить подчиненному. И начальнику.

Убийца мог скрываться в квартире изначально и остаться там после того, как Еникеев вышвырнул оттуда, скорее всего, подставного любовника. А может, и сам любовник вернулся. Прикинулся бедной овечкой, зашел в дом и расправился с Еникеевым и его женой. Тут нужно разбираться, искать следы насилия на телах, определять неточности в положении тел, выяснять, с какого расстояния производился выстрел в голову. Но уже сейчас можно предположить, что убийца не спешил уходить. Он мог дожидаться, когда Прошников позвонит в дверь, затем скроется в своей квартире, и уже после этого покинуть место преступления. За пять минут он мог и через чердак уйти, и по лестнице вниз спуститься. Соседи не особо ему мешали.

– А дверь на чердак у вас закрыта?

– На чердак? Ну да, закрыта. Замок там.

– А ключ?

– Ключ в ДЭЗе. Раньше в сорок пятой был, так они их задолбали, ходят там туда-сюда...

– Кто ходит?

– Да все кому не лень, а там у нас щебень. – Прошников кивком показал вверх. – Не знаю, зачем они его туда насыпали, когда ходят, шуршит, сил нет.

– А сегодня не шуршало?

– Сегодня? – задумался мужчина. – Когда?

– После того, как вы в милицию позвонили.

– Да нет, не шуршало... Но что-то было...

– Что было?

– Ну как будто мыши там копошились.

– Мыши?

– Или мыши, или привидение. Шучу, конечно. В привидения я не верю!.. – Прошников гордо выкатил грудь колесом.

– И все-таки почему привидение?

– Ну а кто еще там так тихо ходить мог?

– Значит, кто-то шел.

– Если шел, то очень-очень тихо.

– Крался?

– Ну можно и так сказать.

– А это единственный ход на чердак?

– Да нет, еще во втором подъезде такой же люк... Сам не знаю, почему так, должно быть в первом и четвертом, а у нас в первом и втором.

Измышления Прошникова Павел слушал вполуха. Он смотрел на Шарова, который поднимался по лестнице в сопровождении старшего лейтенанта Колосова.

– А, ты уже здесь?

Шаров обрадовался Павлу, но в его взгляде хватало и недовольства. Его же в начальство выдвинули, он должен был подтянуться к месту раньше подчиненных.

– Ну что тут, рассказывай, – обращаясь к Павлу, Колосов угрюмо глянул на Прошникова.

И тот скрылся в своей квартире, причем сделал это с той же поспешностью, с какой черепаха прячет голову в панцирь.

– Да чего рассказывать, убийство это. Но «земля» будет считать по-другому. – Павел выразительно глянул на дверь, за которой работала следственная группа.

– «Земля», «земля»... К черту «землю»! – зло сквозь зубы процедил Шаров.

– Чисто сработано, но зацепки есть. Убийца, похоже, через чердак ушел. Там, во втором подъезде, еще ход, надо бы соседей опросить, может, кто видел.

– Опросим.

Шаров и Колосов зашли в квартиру, но скоро вернулись: не место им там. Со свидетелями нужно работать.

Оперативники территориального отдела даже не включали второй подъезд в план своей работы, поэтому рубоповцам пришлось выступить в роли первопроходцев. Они разделились, Павел взял на себя пятый этаж, Шаров – четвертый, Колосов – третий.

На пятом этаже и нашлась женщина, которая видела спускавшегося с чердака мужчину. Высокий, рослый, в черном – вязаная шапочка, короткая куртка, брюки с накладными карманами, ботинки с высоким верхом. Лицо разглядеть не удалось. Он уже спускался с пятого на четвертый этаж, когда женщина его увидела. Окликнуть не решилась, да он бы и не обернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.